

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 122/129

Я. В. Быстрова

СИМВОЛИКА СТРОЕНИЯ ДОМА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ

В статье представлена концепция дома как микрокосма культуры. На примере традиционного жилища рассмотрены символические механизмы репрезентации образа мироздания, опредмеченного в элементах строения дома. Дом отождествляется с упорядоченным космосом, тогда как внешнее пространство соотносится с хаотическими энергиями. Исследование символики дома связывается с изучением мира повседневности, который рассматривается как единая основа многообразия феноменов и смыслов культуры. Постижение символики дома представляется как добавление к концепции дома, сложившейся в рамках истории повседневности, где дом предстает как пространство, свободное от политики и сохраняющее мир традиции. Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: дом, ритуал, традиция, повседневность, символ, космос, хаос.

Y. V. Bystrova

SYMBOLICS OF STRUCTURE OF THE DWELLING: SOCIOCULTURAL SENSE

This article presents the dwelling's concept as microcosm of culture. Symbolical mechanisms of representation of image of the universe, objectified in elements of a structure of the dwelling are considered on the example of traditional dwelling. The dwelling is equated with ordered cosmos, whereas the external space corresponds with chaotic energies. Research of symbolism of the dwelling is related with study of the world of everyday life which is considered a uniform basis of a variety of phenomena and senses of culture. Comprehension of symbolism of the dwelling is represented as addition to the concept of the dwelling which has developed within the frame of history of everyday life where the dwelling appears as a space free from policy and preserving the world of tradition. Refs 18.

Keywords: dwelling, ritual, tradition, everyday life, symbol, cosmos, chaos.

В последние десятилетия повседневность становится приоритетным объектом в культурологии и философской антропологии, так как именно с этим объектом связывается возможность найти для многообразия феноменов и смыслов культуры единую основу. Такой основой, признающей и принимающей все феномены культуры, и является мир повседневности. «Слово “повседневность” обозначает: само собой разумеющуюся реальность, фактичность; мир обыденной жизни, где

Быстрова Яна Васильевна — кандидат философских наук, доцент, Русская Христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, 191023, Российская Федерация, наб. реки Фонтанки, 15; bystrova7@yandex.ru

Bystrova Y. V. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Russian Christian humanitarian academy, 15, Fontanka, St. Petersburg, 191023, Russian Federation, bystrova7@yandex.ru

люди рождаются и умирают, радуются и страдают; структуры анонимных практик, а также будничность в противоположность праздничности, экономию в противоположность трате, рутинность и традиционность в противоположность новаторству» [1, с. 291]. Мир повседневности — это самый близкий нам мир, мир наших привычек. В определенном отношении привычки человека — это не просто та сфера, где творческие импульсы уступают свое место непроницаемым для рефлексии действиям по наитию. Это также знания и умения, которые многократно воспроизводятся и воплощаются в материальных предметах. Эти знания и умения касаются «... питания, одежды, продолжения рода, расположения жилища, распределения времени и т. п. — всего того, что принадлежит миру, близкому и знакомому для человека, миру, в котором он может свободно ориентироваться» [2, с. 69].

Мир повседневности распространяется и на ту область реальности, которая по всем явным признакам является его противоположностью — на область сакрального. Легко заметить, что такое «поглощение» сакрального мира миром повседневности противоречит тому, что происходило в реальной человеческой истории. Мир повседневности историчен потому, что он порожден миром сакрального и является продуктом его распада. Современный человек, чтобы построить свой мир, разрушил священный мир, в котором жили его предки. Его «конструирующая» деятельность имеет, следовательно, отрицательный характер, и то, что отрицается, проявляется в негативной форме в самой его деятельности и в том, что он создает. Мир повседневности, несмотря на видимую самодостаточность, насыщен феноменами сакрального. Люди, отвергающие сакральное, ведут себя так, словно признают факт его существования, хотя сами и не осознают этого. Дело не только в том, что современный человек, отвергая в теории «пережитки» и «табу» древности, на практике, в своей повседневности, продолжает им следовать. Дело в том, что все его поведение в этом мире имеет магические и религиозные корни, поскольку сам мир повседневности, задающий правила и каноны человеческого поведения, происходит из мира священного. Поэтому мир повседневности обладает своей скрытой мифологией, а также множеством деградировавших обрядов.

С этой точки зрения в данной статье и предполагается исследовать символику дома. Дом — один из самых консервативных объектов культуры, и поэтому его можно рассматривать как один из самых надежных хранителей традиции. Дом принимает все новое, что соответствует традиционным формам, и отвергает все, что им противоречит. Дом представляет собой ансамбль застывших, выраженных в дереве или в камне древних знаний и верований. Дом — это средоточие и пересечение различных этнических и религиозных форм, часть которых восходит к самым древним историческим эпохам.

К самым внешним и поверхностным характеристикам дома следует отнести его трехчастное деление на собственно жилое помещение, чердак и подвал. На первый взгляд такое деление обусловлено исключительно практической целесообразностью, однако в современной культуре жилище уже не имеет этого трехчастного деления, но тем не менее не теряет своих прагматических качеств и считается даже более комфортабельным. Такое деление имеет прежде всего сакральный смысл, так как повторяет общее для многих традиционных цивилизаций представление о космической триаде мироздания (небо, земля и подземный мир). Разумеется, эти части дома выполняют и определенные практические функции, но вместе с тем это

трехчастное деление отображает общее устройство космоса: дом рассматривается нами как микрокосм культуры, и его структурная триада является продолжением и отображением мира. Сочетание же материальных, практических и духовных, символических функций дома вполне закономерно, так как мир также представляет собой нераздельное единство материального и духовного начала.

Таким образом, три части дома, как и три части мира, образуют собой целостный феномен культуры. Каждая из частей многозначна и многофункциональна, но при этом также воспринимается как целое. В целом дом следует рассматривать именно с точки зрения этой многофункциональности. Дом — это и жилище, и сооружение, предназначенное для религиозных целей, и произведение искусства, и магическая защита от демонических сил хаоса. Приводятся даже примеры, когда обычная русская изба служила солнечной обсерваторией. Дома нередко ориентировались таким образом, чтобы в день зимнего солнцестояния свет от солнца через чердачное окно проходил внутри чердака по противоположной чердачной стене, отмечая таким образом «поворот солнца на лето».

Дом не только изображает мир, но и сам является миром, в котором человек оказывался подобен творцу космоса. Если строительство дома — символическое воспроизведение творения вселенной, то дом, его пространство, его внутреннее и внешнее убранство насыщены символическими значениями, которые требуют определенной техники прочтения и интерпретации. Не вдаваясь в детали и в методологические проблемы интерпретации символов, попробуем привести самый общий пример, связанный с самой внешней формой жилища, с его контурами. Эти контуры, воспроизводимые в первых детских рисунках, графически могут быть выражены в виде квадрата, на верхней стороне которого покоится треугольник. Если квадрат — традиционный символ земли как стихии, а треугольник с вершиной, обращенной вверх, — символ неба, то в целом дом символизирует соединение земли и неба. Эта же фигура соответствует пифагорейскому Тетрааксису — совершенной геометрической фигуре, олицетворяющей собой весь проявленный космос [3, с. 132–138]. Такая интерпретация не противоречит тому, что нередко небо, небосвод изображается в виде полукруга. Замена полукруга треугольником означает не просто небосвод, а такое его состояние, когда солнце находится в зените, т. е. ясный солнечный полдень — максимально безопасное и «оптимистичное» время суток.

В гуманитарном познании возможны самые разнообразны техники и методы интерпретации символов. Один из самых распространенных примеров дает психоанализ. Мы можем у основателя психоанализа З. Фрейда встретить попытку интерпретации символики дома [4, с. 147], где фактически используется древнее отождествление дома и человеческого тела. Психоанализ выявляет «скрытую очевидность» содержания символа, которую можно обнаружить и не прибегая к особым техникам интерпретации. Так, например, символика фундамента в полной мере раскрывается в обыденном представлении о доме, поставленном на песке, т. е. о доме, в котором отсутствуют прочные семейные связи, о доме, который оказался с самого начала во власти незримых (дом все-таки построен), но разрушительных (дом, стоящий на песке, обречен) противоречий. Такой же очевидностью обладает и символика крыши. Это стороны треугольника, олицетворяющего небо, т. е. высшее начало, укрывающее и дающее безопасность обитателям дома. Дом без крыши — это нежилой дом, и поэтому слово «кров», буквально обозначающее кры-

шу, может обозначать и весь дом в целом. Крыша играет особую роль в символике строительства дома, процесса, который воспроизводит творение мира. «Основные этапы строительства маркируют границы между космическими зонами. Завершение формирования вертикальной структуры жилища... в ряду этих соответствий безусловно связывается с идеей достижения верхнего предела (неба) и, таким образом, с достижением основной цели ритуала: установлением прочной связи между землей и небом, приданием миру первоначального состояния гармонии, которая была нарушена строительством нового дома» [5, с. 107–108].

Родственной «небесной» символикой обладает и чердак. Иногда это подчеркивается размещением на фасаде или на торце чердака характерных декоративных элементов, иногда — тем, что чердачному окну придается форма круга. В целом эта геометрия выражает довольно ясную идею нахождения солнца в зените. Конек крыши, даже если декоративная фигура коня отсутствует, также олицетворяет солнце, находящееся в зените (как известно, конь у многих индоевропейских народов отождествлялся с солнцем, и строительный термин «конек» восходит именно к этому отождествлению).

Если крыша и чердак соответствуют небесному миру, то подвал — символический эквивалент мира подземного. Это мир сокровенного, мир предков, мир, в котором властвует «домовой». Это периферийная зона домашнего пространства, с присущими ей негативными значениями, порожденными тем, что зона освоена не полностью, и поэтому она контролируется не столько человеком, сколько нечистой силой. Несмотря на то что домовый — хранитель очага, домашнего пространства, т. е. сила, оказывающая в целом благотворное влияние, подвал, «подполье» связано с мраком, открыто хаосу и в большей степени беззащитно от вторжения демонических сил.

У некоторых африканских племен дом не только является образом вселенной и, следовательно, микрокосмом, но и отражает все фазы космогонического мифа, т. е. все этапы творения мира. Иными словами, дом рассматривается не как статическая конструкция, а как динамическая панорама, разворачивающаяся в соответствии с различными стадиями процесса сотворения мира. Части дома, стены, крыша, расположение домашней утвари и мебели связаны с передвижениями его обитателей и их размещением в доме. Место члена семьи в доме изменяется в зависимости от времени года, времени суток, а также от изменения его семейного или социального положения. Можно вспомнить, что и «в крестьянском доме каждый знал свое место. Хозяин сидел под образами, в красном углу. Вдоль “долгой” стены избы стояли мужские лавки; перед окнами на улицу сидели девушки и дети, а хозяйке оставалось место с краю, чтобы, никому не мешая, вставать и подавать к столу» [6, с. 71].

Стены позволяют рассматривать жилище как систему границ и отгораживаемых с их помощью пространств, обладающих особым значением. О роли границ в культуре Ю. М. Лотман пишет следующее: «...культура же по самой своей природе строит себя как пространство замкнутое. Из этого противоречия вытекает то, что в самой основе идеи культуры лежит существование другого, противостоящего ей мира. Мир этот может получать в алфавите культуры различные названия: природы, враждебных существ (покойников, чужих богов, злых духов, волшебных зверей...)» [7, с. 10–11].

Так и стены дома отделяют пространство культуры от стихий и хаоса. Они призваны защитить обитателей дома, изолировать их от внешнего мира. Поэтому и в их прагматических качествах, и в их символике должна учитываться возможность разрушения и вторжения стихии, неподвластной человеку. Кроме этого, они определяют внешний статус дома, его положение в окружающем мире. Однако существуют еще и стены внутри дома, у которых иная функция. «Они объективируют социальную структуру семьи, являются выражением особенностей религиозной, хозяйственно-экономической и других видов деятельности человека» [5, с. 159]. Эти границы определяют внутренний статус жилища.

В стенах, в уже собранных срубах прорубались проемы для дверей и окон. Известно, что у восточных славян установка окон и дверей сопровождалась созданием различного рода «оберегов», что носит ритуальный характер [5, с. 96–98]. Как правило, эти ритуалы были направлены на укрепление защитных функций стен. Однако роль дверей и окон более сложна, так как они не только задерживают внешние влияния, но и неизбежно пропускают их во внутреннее пространство дома. Они должны были стать своеобразным фильтром, задерживающим неблагоприятные влияния и пропускающим благоприятные. В отличие от стен, окна и двери не столько отделяют автономию освоенного пространства от внешнего хаоса, сколько регламентируют связь дома с остальным миром. Кроме того, окна и двери создают внутреннюю топографию дома. После того, как прорублены двери и окна, внутреннюю планировку жилища можно считать завершенной, так как размещение перегородок и деление помещений будет прямым следствием того, сколько окон предусмотрено для той или иной стены. Дверь размещается в строгом соответствии с искусством ориентации в пространстве. Так, например, у восточных славян на юге она обязательно ориентировалась на юго-восток; на севере же прорубалась в противоположных стенах [8]. Дверь снимает противоречие внутреннего и внешнего пространства, противоположность культуры и хаоса и открывает жилище миру. Кроме того, если прорублена дверь, то внутреннее пространство получает измерение «правого-левого», так как эта линия симметрии всегда проводится в домашнем пространстве из точки положения дверей. Проводится также и другая, менее заметная линия, разделяющая удаленную от входа часть жилища и расположенную рядом с ним. В фольклоре, в приметах, в пословицах мы обнаруживаем свидетельства особого этикета, регулирующего поведение человека в этих секторах домашнего пространства. «Особенность символики дверей и окон объясняется, по-видимому, тем, что содержание, приписываемое их специфическим назначением: обеспечивать проницаемость границ. Такое парадоксальное сочетание признаков, противоположных по самой своей сути, обеспечило их статус особо опасных точек связи с внешним миром и соответственно их особую семантическую напряженность» [5, с. 160].

Т. В. Цивьян различает два вида связи дома с внешним миром — регламентированную (вход и выход через двери) и нерегламентированную (через окно, дымоход и т. п.). [9, с. 47]. Последняя также получила отражение в фольклоре (проникновение или бегство героя через окно), в ритуальных практиках (вынос гроба через покойника через окно), и т. д. Дополнительный способ регламентировать вход и выход — замки и запоры, которым в фольклоре также отводится большое место. Все, что происходит возле входа в дом, приписывается особое значение. Пере-

ход через дверь означает переход из одного состояния (существования в культурном пространстве) в другое (если и не в хаос, то в пространство, в больше степени открытое действию демонических сил). Пребывание в жилище — это нахождение в мире с определенной системой правил, предписаний, ценностей. Невольная остановка перед дверью чужого дома — это рудимент древнего обычая чтения молитвы перед входом. То же самое следует сказать и об обычае присесть перед дальней дорогой. В обыденной жизни эти и подобные им предписания являются необязательными, но в традиционном обществе вход и выход, перешагивание через порог часто играют исключительно важную роль в различных обрядах — на свадьбе, при родах, на похоронах.

«Как и двери, окна соотносятся с идеей входа, проницаемости, связи жилища с внешним миром, но эта связь имеет специфический характер. Окна связывают жилища не просто с остальным миром, а с миром космических явления и процессов, таких, как солнце (луна), стороны света, ландшафт, чередование света и тьмы, дня и ночи, зимы и лета и т. п.» [5, с. 166]. Этимология слова «окно», производящая его от «око», «глаз», связывает его семантику со зрением и светом. Свет позволяет проникать во внешний мир, оставаясь во внутреннем, и человек, сохраняя безопасность домашнего пространства, благодаря окнам может как бы находиться одновременно и внутри и снаружи дома. Вместе с тем окна не только предоставляют преимущества обитателям дома, но и таят в себе немало опасностей. Окно, согласно народным поверьям восточных славян, больше, чем что-либо еще в доме, связано с миром мертвых. Запрет оставлять окна открытыми (или не завешенными) на ночь связан с представлением о том, что через окна в дом могут проникнуть мертвецы и упыри и задушить спящих, в первую очередь детей.

При пересечении внутреннего и внешнего пространства особую роль играет порог. В современном домашнем этикете, который чаще всего является неосознаваемым воспроизведением тех обрядов и ритуалов древности, которым когда-то сообщалось исключительное значение, порог продолжает играть весьма заметную роль. «Гостя встречай за порогом и пускай наперед себя через порог. Через порог не здороваются. Через порог руки не подают» [10, с. 319]. Тот факт, что переступание порога сопровождается спуском или подъемом по лестнице, лишней раз подчеркивает символическое значение входа или выхода из домашнего пространства. Лестница символизирует духовное восхождение, и человек, входящий в дом, должен очиститься от следов воздействия того хаотического пространства, в котором он пребывал.

Пространство внутри дома упорядочено разграничением на особые сегменты, каждый из которых в традиционном обществе несет определенную семантическую нагрузку. Каждое жилище имеет особо значимые элементы, которые условно называют локусами и которые, собственно говоря, и превращают жилое помещение в дом. Жилище с этой точки зрения следует рассматривать как систему границ, в первую очередь внутренних, отделяющих локусы друг от друга.

Первый (по значимости) локус в традиционном доме восточных славян с самых древних времен принято называть *красным углом*. Традиционно в красном углу находились предметы, которым придавалась самая большая ценность, в первую очередь религиозная: иконы, библия, крест, свечи. «В красном углу кроме божницы находился стол. Его (т. е. красный угол) убирала вышитыми полотенцами, лубочными

картинками, открытками... нередко обклеивали обоями или выделяли из остального пространства избы» [11, с. 31–32]. По вертикали красный угол делится на три части: верхняя часть отводится иконам, которые располагаются, как правило, одна над другой и образуют два яруса; в нижней стоял маленький или большой стол. Деление по вертикали может проводиться другим образом, но троичность в любом случае сохраняется. Эта троичная структура подобна структуре дома в целом (крыша — жилое помещение — подвал) и повторяет структуру вселенной (небо — земля — подземный мир) и человеческого тела (голова — туловище — ноги).

Функции красного угла определяются теми предметами, которые в нем обычно располагаются. Иконы обеспечивают связь обитателей дома с божественным, небесным миром. Позднее там нередко появляется зеркало, которое играет множество ролей, в том числе и мистические, связанные с контактом с потусторонним миром. Интересно, что изредка в современном деревенском доме в красном углу ставится телефон или телевизор. Символическое значение этих предметов в красном углу заслуживает специального исследования, но очевидно, что они также выполняют в первую очередь коммуникативные функции. Таким образом, в красном углу сосредоточены все средства коммуникации (ритуальные, религиозные, обыденные), которые или принимают или передают информацию. Поэтому любой предмет, оказавшийся в красном углу или рассматриваемый в отношении к этому локусу, приобретает коммуникативные свойства.

Символически угол противостоит не только двери, но и окнам. Окна разворачивают пространство дома вовне, углы сворачивают его внутрь. В таком случае окна — это глаза дома, обращенные вовне, а углы — это глаза, которые смотрят внутрь. Известно, что самые древние жилища, как и иные сооружения, имеют круглую форму, т.е. не знают углов [12, с. 211–274]. Такая форма предопределялась формой очага и стремлением удержать максимум равномерно распределяющегося тепла. Очевидно, потребность в более сложной маркировке внутреннего пространства вынуждает пренебречь практической целесообразностью. Поэтому в традиционном русском доме все углы имеют свое имя, каждый сохраняет свою индивидуальность и выполняет особые (практические и символические) функции. В. Даль перечисляет углы в следующем порядке: 1. старший, передний, красный, образной, святой; 2. бабий, кут, жернов-угол; 3. стряпной, печной; 4. задний или дверной, коник [10, с. 467]. Очевидно, что такое распределение функций сказывалось на всей повседневной жизни человека, непосредственным образом влияло на его поведение.

В чешском традиционном жилище каждый угол также имел свое особое значение. «По диагонали от печи располагался стол, вдоль стен стояли лавки. Этот угол со столом считался самым почетным в доме, здесь сидел вовремя обеда хозяин, сюда же приглашали наиболее желанных гостей. Передняя стена дома, окна которой, как правило, выходили на улицу, наиболее старательно украшалась; здесь висели изображения святых (нередко это были небольшого размера скульптуры), картинки на стекле, а в более позднее время — часы и многочисленные фотографии родственников хозяина» [13, с. 245]. В соответствии с этими значениями за каждым углом и за каждой стеной закреплялось особое название.

Перманентное вмешательство углов в повседневное существование человека сохраняет и русский язык. Слово «угол» имеет чрезвычайно богатую семантику.

В. Даль приводит лишь самые характерные примеры: можно «из-за угла» глядеть, убить; «за угол» прятаться; «об угол» удариться; «во все углы» соваться, метаться и т. д. Причем интенсивность этих состояний такова, что, оказавшись в любом из них, человек полностью забывает о своем статусе и своей социальной роли. Угол уничтожает его социальную личину, его Персону (в том смысле, какой вкладывает в это слово «аналитическая психология» К. Г. Юнга), срывает с него Маску, но все это вовсе не возвращает его к Самости.

Вероятно, именно этим обстоятельством следует объяснять противоположность двух укорененных в русском языке высказываний, в равной мере связанных с понятием «угол»: «иметь свой угол» и «ютиться по углам». Если первое явно связано с наличием домашнего пространства (с удовлетворенностью самим фактом существования в домашнем, очеловеченном пространстве, а не с качеством этого существования), то второе, наоборот, обозначает состояние бездомности. Но оба они указывают на стремление к личной идентичности, на поиск подлинного существования, не искаженного навязанными социальными функциями, психологически связанными с инстанцией Персоны-Маски. Таким образом, «главное, что скрывает, но и выражает “угол”, — это то, что осознается мотив, определяющий намерение совершаемого, т. е. суть дела» [14, с. 60–61].

Другой значимый локус русского традиционного дома — это печь и окружающее ее пространство. Немалое значение имеет тот факт, что «русская печь строилась прежде не из кирпича, а из сырой глины... Труд печника сочетал в себе некоторые, хотя и отдаленные, признаки творчества скульптора и архитектора» [15, с. 288]. Следует добавить, что это сходство не является внешним, так как предположения, что в древности печь, как и храм, представляла собой культовое сооружение, имеют под собой довольно твердые основания. А. Н. Афанасьев связывает культ очага у древних славян с языческими представлениями об огне. Огонь наделялся волшебными, магическими свойствами, так как его тепло и свет переносили людей в страну покоя, мира и отдыха. Считалось, что огонь способен прогонять нечистую силу, что еще раз подтверждает его положение в центре жилища. Но самое главное заключалось, вероятно, в памяти о тех далеких временах, когда люди еще не были уверены, что в любых ситуациях им удастся огонь получить. Тогда сама жизнь зависела от возможности сохранить огонь, и людей, поддерживавших его, объединяла не только материальная необходимость, но и духовное родство. Согласно народным поверьям, нельзя отдавать чужим горячие угли из домашнего очага, иначе в дом придет несчастье. С очагом и огнем в нем были связаны и многие другие поверья [16, с. 176–180].

Если дом — это микрокосм, то огонь очага символически соответствует солнцу. Его тепло и свет имеют то же значение для домашнего пространства, что и свет и тепло солнца для всего мироздания. Тепло очага, реально и символически наполняя домашнее пространство жизненной энергией, еще раз подчеркивало границы внешнего и внутреннего, еще раз ограничивало домашнее пространство от простирающегося за стенами, окнами и дверью хаоса. Очаг собирал обитателей дома вокруг своего огня и превращал их в домочадцев, т. е. в детей дома. Главу дома называли в древности «огнищанин», т. е. владелец очага [17].

В целом рассмотрение символики внутреннего пространства традиционного жилища позволяет говорить о существовании в древних обществах единой картины

дома, связанной с религиозными, мифологическими и иными представлениями того или иного народа. Дом и вселенная оказываются эквивалентны друг другу, дом — это микрокосм, и в то же время по мере удаления от дома организованность и упорядоченность космоса уменьшаются. Дом и космос имеют общую систему координат.

Таким образом, исследование символики структуры дома представляет собой важное добавление к концепции дома, сложившейся в рамках истории повседневности, где «дом предстает как пространство, место, свободное от политики, от планирования с целью будущего использования. Дом — это граница, которая защищает человека от целенаправленного использования, это место, где не действуют законы взаимозаменяемости, ранжирования с точки зрения полезной эффективности» [18, с. 15]. Помимо этого, дом остается тем местом, где еще способен сохраниться мир традиции.

Литература

1. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб.: Алетейя, 1999. 304 с.
2. Худенко В. Повседневность в лабиринте рациональности // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 67–74.
3. Генон Р. Тетрактис и квадрат четырех // Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 1997. С. 132–138.
4. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.
5. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
6. Буровик К. А. Родословная вещей. М.: Знание, 1985. 224 с.
7. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 472 с.
8. Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 3–460.
9. Цивьян Т. В. К семантике «дома» в балканских загадках // Материалы симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1(5). Тарту, 1974. С. 45–48.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 2720 с.
11. Русская изба. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство, 1999. 376 с.
12. Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1982. 560 с.
13. Грацианская Н. Н. Чешское крестьянское жилище XIX–XX вв. // Культура и быт народов зарубежной Европы. М.: Наука 1967. С. 240–255.
14. Тесля С. Дом как привычка и символ повседневной жизни // Ступени. 1997. № 10. С. 54–69.
15. Белов Вас. Лад. Очерки о народной эстетике. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1985. 302 с.
16. Афанасьев А. Н. Древо жизни. М.: Современник, 1982. 464 с.
17. Афанасьев А. Н. Народ-художник. М.: Советская Россия, 1986. 368 с.
18. Дом. Материалы заочного круглого стола (выступление В. М. Литвинского) // Ступени. Философский журнал. 1997. № 10. С. 10–29.

References

1. Markov B. V. *Khram i rynek. Chelovek v prostranstve kul'tury* [Temple and Market. Man in Perspective of Culture]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1999. 304 p. (In Russian)
2. Khudenko V. *Povsednevnost' v labirinte ratsional'nosti* [Everyday life in labyrinth of rationality]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 1993, no. 4, pp. 67–74. (In Russian)

3. Genon R. Tetraksis i kvadrat chetyrekh [Tetraxis and Square of Four]. *Simvol'y sviashchennoi nauki* [Symbols of a sacred science]. Moscow, Belovod'e Publ., 1997, pp.132–138. (In Russian)
4. Freid Z. *Vvedenie v psikhoanaliz: Lektsii* [Introduction in psychoanalysis: Lectures]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 456 p. (In Russian)
5. Baiburin A. K. *Zhilishche v obriadakh i predstavleniiakh vostochnykh slavian* [Dwelling in Rites and Representations of Eastern Slavs]. Moscow, Languages Slavic culture Publ., 2005. 224 p. (In Russian)
6. Burovik K. A. *Rodoslovnaia veshchei* [Descent of Things]. Moscow, Znanie Publ., 1985. 224 p. (In Russian)
7. Lotman Iu. M. *Izbrannye stat'i: v 3 t. T.1: Stat'i po semiotike i topologii kul'tury* [Selected articles in 3 vols, Vol. 1, Articles on semiotics and culture topology]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992. 472 p.
8. Blomkvist E. E. Krest'ianskie postroiki russkikh, ukrainsev i belorusov [Peasant Buildings of Russians, Ukrainians and Byelorussians]. *Vostochnoslavianskii etnograficheskii sbornik* [Eastern Slavics ethnographic collection]. Moscow, AN SSSR Publ., 1956, pp. 3–460. (In Russian)
9. Tsiv'ian T. V. K semantike «doma» v balkanskikh zagadkakh [To semantics of dwelling in Balkan puzzles]. *Materialy simpoziuma po vtorichnym modeliruiushchim sistemam. 1(5)* [Materials of symposium on secondary modeling systems, 1(5)]. Tartu, 1974, pp. 45–48.
10. Dal' V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [The explanatory dictionary of live great Russian language.]. Moscow, State Publishing House of foreign and national dictionaries, 1955. 2720 p. (In Russian)
11. *Russkaia izba. Illiustrirovannaia entsiklopediia* [Russian Izba. Illustrated Encyclopaedia]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1999. 376 p. (In Russian)
12. Elinek Ia. *Bol'shoi illiustrirovannyi atlas pervobytnogo cheloveka* [The big illustrated atlas of the primitive man]. Prague, Artia Publ., 1982. 560 p.
13. Gratsianskaia N. N. Cheshskoe krest'ianskoe zhilishche XIX–XX vv. [Czech Peasant Dwelling of XIX–XX centuries]. *Kul'tura i byt narodov zarubezhnoi Evropy* [Culture and Way of Life of Peoples of Foreign Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 240–255. (In Russian)
14. Teslia S. Dom kak privychka i simvol povesdnevnoi zhizni [Dwelling as habit and symbol of every day life]. *Stupeni* [Degrees. Philosophical magazine], 1997, no. 10, pp. 54–69. (In Russian)
15. Belov Vas. Lad. *Ocherki o narodnoi estetike* [Essaies on popular aesthetics]. Arkhangel'sk, Northwestern Publishing House, 1985. 302 p. (In Russian)
16. Afanas'ev A. N. *Drevo zhizni* [Tree of Life]. Moscow, Sovremennik Publ., 1982. 464 p. (In Russian)
17. Afanas'ev A. N. *Narod-khudozhnik* [The People-Artist]. Moscow, Soviet Russia Publ., 1986. 368 p. (In Russian)
18. Dom. Materialy zaochnogo «kruglogo stola» (vystuplenie V. M. Litvinskogo) [Dwelling. Materials of absentee “round table” (statement of Litvinsky V. M.)]. *Stupeni. Filosofskii zhurnal* [Degrees. Philosophical magazine], 1997, no. 10, pp. 10–29. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 8 июня 2015 г.